

Савин Александр Николаевич

**Век Людовика XIV: По запискам
слушателей**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Николаевич С.**
Век Людовика XIV: По запискам слушателей / Савин Александр Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 254 с.

ISBN 978-5-519-84362-1

ISBN 978-5-519-84362-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

жизни "Lamoignon подѣ видомъ большой честности и безкорыстїа скрываетъ большое честолюбїе. Поэтому онъ поддерживаетъ прочныя связи съ сторонниками всевозможныхъ партій и комplotовъ. Состояніе у него небольшое, и онъ можетъ увеличить его только законнымъ путемъ. Его друзья — MM. de Feneton, d'Albon и Pelletier, Онъ — почетный опекунъ семьи Bouillon, и эта опека доставила ему тѣсныя связи съ маршаломъ Тиреннъ. Въ его рукахъ сборъ косвенныхъ налоговъ (les aides) le Cha-steaudun, и это даетъ ему 26000 ливровъ въ годъ ".

Правительство боится даже тѣхъ невинныхъ, частнаго характера совѣтовъ, которые Ламуэнье подаетъ, какъ почетный опекунъ семьи Bouillon, своимъ опекаемымъ Тиреннъ дѣятель фронтѣ. Онъ имѣетъ друзей въ парламентской средѣ и между принцами крови. И въ разстроенномъ воображеніи правительственныхъ сферъ зарождается страхъ передъ новымъ союзомъ парламентаріевъ съ принцами крови. О совѣтникѣ Dorot интендантъ сообщаетъ, что онъ имѣетъ претензіи на красованіе, можетъ ораторствовать въ засѣданіяхъ (harangueur des chambres assemblées), мало осмотрителенъ, пылокъ, великій frondeur,, поссорился со своей семьей, мало заботится о своихъ интересахъ, но очень сильно заботится объ интересахъ кардинала Рецъ". Пока кардиналъ не забываетъ о немъ. Надо и это имѣть въ виду.

Правда, въ парламентской средѣ у правительства есть и подлинныя друзья. Но и за ними слѣдять. Ихъ слабости тоже

хорошо известна "Въ Большой Палатѣ" Mégardeau-Sampré, очень способный, твердый, упрямый, надежный, искренне преданный двору. Имъ управляють: 1) дѣвица съ улицы С.-Мартэнъ (ее онъ содержитъ) 2) Вьолѣ — видный чиновникъ финансоваго вѣдомства. 3) его писмоводитель. Затѣмъ имѣютъ на него вліяніе comte de Nogent и Aimé Jean.

Помимо людей опасныхъ или полезныхъ для двора есть еще люди ничтожныя, Gontier, esprit farfadet, смѣшной, развратный, слабый, въ полномъ подчиненіи у женщины, которая не больше его стоить; характеръ пустой и легкомысленный. Соответствующія характеристики даются и членамъ провинціальныхъ парламентовъ. Они, если вѣрить интендантамъ, наполнены льдами, искоса посматривающими на торжество абсолютизма и чающими новыхъ событій въ стилѣ фронды. Понятно, что это подозрительное и властолюбивое правительство ограничить сколько нибудь отзывающіяся политикой полномочія парламентовъ. У нихъ отнимаютъ даже въ 1665 г. имя cours souveraines, впредь можно зваться только cours ^и supérieures. Въ перепискѣ Кольбера указывается, что странно звучало бы всякое иное названіе. Souveraine можетъ зваться только одинъ государь. Въ самомъ началѣ царствованія Людовика XIV-го, въ 61-мъ году, парламентамъ запретили приводить почему то въ исполненіе приказы королевскаго совѣта, Впредь они должны исполняться немедленно. Если парламентъ недоволенъ, онъ можетъ сдѣлать соответствующее представленіе королю, но не останавливать

приведеніе указа въ исполненіе. Парижскій парламентъ пробовалъ воспользоваться разрѣшеніемъ въ томъ же году. Въ августѣ онъ обратился къ королю съ *remontrances*. Но изъ этого ничего не вышло. Вообще присвоенное парламентамъ право дѣлать королю представленія проявляется въ 69 гг. рѣдко и по мелкимъ неважнымъ поводамъ. Въ томъ видѣ въ какомъ оно осуществлялось, это право не представляло никакой опасности. Чуть ли не послѣднее изъ заявленій касалось вопроса о правѣ ввозить и носить златотканная матеріи.

Правительство вообще желало отнять у парламентовъ право дѣлать представленія. Относительно этого имѣются указы подъ 67-мъ и 73-мъ гг. Впрочемъ, взаимоотношенія двухъ этихъ мѣропріятій неясны, темны. Можетъ быть, въ 67 г. за парламентами предполагали оставить хоть тѣнь самостоятельной дѣятельности. Повидимому, въ случаѣ желанія парламента сдѣлать возраженія на королевскій приказъ уотанавливался особый срокъ обжалованія. Для Парижа это недѣля, для провинціи 6 недѣль. Эти сроки - максимумъ того времени въ теченіе котораго дѣлаются заявленія. Послѣ нихъ королевскія волеизъявленія вступаютъ въ силу обязательно. При сомнѣніи насчетъ ихъ смысла право толкованія принадлежитъ королю, но не парламентамъ. Но въ 73-мъ г. (это уже совершенно ясно) парламентскія представленія получаютъ анекдотическій характеръ. Теперь они ни на одинъ день не останавливали уже приведенія въ дѣйствіе новаго закона. Онъ вступалъ въ силу не

медленно по опубликованіи и только потомъ король могъ его отменить. Такимъ образомъ remontrances не были воспрещены, но потеряли смыслъ. Въ результатѣ это право сдѣлалось настолько бесполезнымъ, а настроеніе стало настолько смиреннымъ, что послѣ 67 г. (въ слѣдующіе полвѣка) парламенты ни разу не дѣлали представленій. Въ качествѣ политическаго учрежденія они умерли. Можетъ быть, единственнымъ оказательствомъ ихъ политическаго бытія были нѣкоторыя дѣйствія въ сферѣ религіозной политики, въ янсенистскомъ дѣлѣ. Въ 67г. ограниченіе политическихъ притязаній парламентовъ было введено тѣмъ знаменитымъ ордоннансомъ, который повлекъ за собой существенную реформу французскаго судопроизводства. Характерно осуществленіе этой важной судебной реформы. Казалось бы, слѣдовало поручить важнѣйшимъ судебнымъ установленіямъ подготовку ордоннанса. Но правительство ревновало парламентъ даже къ чисто судебной области. И Кольберъ принялъ мѣры къ устраненію парламента отъ подготовки реформы о перестановкахъ въ процессѣ. Онъ хотѣлъ работать исключительно съ представителями другихъ, соперничавшихъ съ парламентомъ силъ управленія, съ *conseillers d'État* (среди нихъ былъ напр. дядя Кольбера Пюсоръ, ярый абсолютистъ). Кольберъ мечталъ совершенно отстранить парламентъ отъ этого дѣла. И только случайно, благодаря ловкости перваго президента по слѣдняго, Ламоignon, удалось парламентамъ принять нѣкоторое участіе въ отдѣлкѣ конечной и разработкѣ указа и внести нѣ

которая перемѣны въ Люссоровскую реформу

Если такъ недовѣрчиво относились даже къ судебнымъ установленіямъ, которая являются прямыми орудіями правосудія то понятно, что самое имя États Généraux было подѣ строжайшимъ запретомъ. Я уже говорилъ Вамъ, что Людовикъ XIV совершенно игнорируетъ бытіе генеральныхъ штатовъ. Даже въ секретной перепискѣ это имя выливалось крайне рѣдко. Когда готовили судебную реформу 67 г., то государственнымъ совѣтникамъ поручили высказать свои соображенія по поводу реформы. И вотъ нѣкоторые изъ нихъ стоятъ за то, чтобы не допускать États Généraux къ участію въ судебной реформѣ, не созывать эти генеральные штаты. Это чуть ли не единственный случай, когда упоминають о генеральныхъ штатахъ. Упоминають впрочемъ, съ тѣмъ лишь, чтобы крѣпче захлопнуть крышку гроба надъ ихъ могилой.

Въ 73 г. въ Канаду былъ присланъ новый губернаторъ comte de Frontenac. Онъ считъ своей обязанностью собрать въ Канадѣ представителей трехъ сословій и потребовать, чтобы они возобновили присягу королю. Онъ думаетъ угодить начальству и сообщаетъ о своемъ поступкѣ Кольберу, но вмѣсто благосклонной начальнической улыбки встрѣчаетъ страшный разнѣ. Кольберъ напоминаетъ ему, что въ колоніяхъ надо держаться тѣхъ же порядковъ, что въ метрополіи. Между тѣмъ во Франціи вотъ уже Богъ знаетъ сколько времени не собирались штаты и сословія. О нихъ даже нѣтъ и рѣчи. Можно считать

уничтоженными эти учреждения. Онъ, Фронтенакъ, впредь не смѣетъ собирать представителей трехъ сословій. Да и представители отъ одного какого либо сословія слѣдуетъ созывать возможно рѣже. Когда колонія достаточно окрѣпнетъ надо будетъ покончить съ этимъ. Надлежитъ установить порядокъ при которомъ каждый отвѣчалъ бы за себя и никто за всѣхъ (*Étant bon que chacun parle pour soi et personne pour tous*). Эти слова могли бы вообще служить девизомъ правительственной политики въ царствованіе Людовика XIV-го. Правительство ставитъ своей цѣлью распяленіе общества, уничтоженіе политическихъ организацій. Всю полноту вліянія по распяленію правительство это хочетъ сосредоточить въ своихъ рукахъ. Я говорилъ вамъ о томъ почти идолопоклонническомъ характерѣ, который приняла политика центрального правительства подъ перомъ Людовика XIV и его секретарей. То были политическія теоріи. Но если мы обратимся къ великимъ политическимъ дѣльцамъ того времени, то у Кольбера напр. въ чисто дѣловой перепискѣ можно найти такіе же отзывы, слѣды тѣхъ же взглядовъ. И Кольберъ не прочь представлять короля, какъ бы единымъ фокусомъ, излучающимъ политическую энергію. Всякій законъ исходитъ отъ короля, и всякое волеизъявленіе короля есть законъ. Церковь должна притти въ подчиненіе свѣтскому правительству королю. Все правительственные распоряженія должны твориться именемъ короля. Давая наставленія своему сыну, маркизу Seignelay, Кольберъ

напоминаетъ ему, что ни одного приказа нельзя обнародовать, не сославшись на королевскую волю. По возможности онъ долженъ совѣтоваться съ королемъ о важныхъ дѣлахъ. Надо сказать, что эти страницы царствованія и труды этихъ дѣятелей, поставившихъ одного человѣка на мѣсто единого руководителя всей политической жизни страны имѣютъ свою изнанку. Если вся правительственная жизнь вводится въ русло жизни одного человека, то съ другой стороны и этотъ человѣкъ становится трудно отдѣлимымъ отъ жизни очень большого многомилліоннаго государства. Король какъ бы теряетъ свои личныя черты, до нѣкоторой степени становится органомъ государства. Очень многіе изслѣдователи указали на совершенно династическій, а иногда и личный капризно-личный характеръ государственной, особенно дипломатической жизни абсолютныхъ государствъ. Трудныя и раззорительныя войны требующія непосильнаго и страдальческаго напряженія народныхъ силъ, роковыя договоры, которыми надолго скрѣпляются важныя отношенія между государствами, опредѣляются волей очень тѣснаго правящаго кружка, иногда волей близкихъ правящему государю подчиненныхъ людей, иногда, рѣдко, чуть не волей отдѣльных лицъ. Въ этомъ утвержденіи значительная доля правды. Но съ другой стороны, при всемъ династизмѣ и эгоизмѣ внѣшней и внутренней политики абсолютной имперіи нельзя забывать, что общія силы оказываютъ вліяніе на влюбленныхъ въ себя, самопоклоняющихся августѣйшихъ носителей власти, министровъ, узкій кругъ влія-

тельныхъ людей. Знакомство со сложной сѣтью административ-
 ныхъ и политическихъ ^{отношеній} не можетъ не давить даже на эти умы.
 И на ихъ дѣятельности отражаются извѣстныя общественныя
 теченія. Въ политикѣ внутренней наряду со сложными личными
 мотивами есть служеніе общему (національному классовому).
 Я уже указывалъ, что у монарха и его министровъ было (по
 крайней мѣрѣ въ эту пору) вовсе не характерное для всякаго
 абсолютизма огромное чувство долга и отвѣтственности. Я
 указывалъ вамъ на огромное количество работы Людовика XIV-го.
 Работа, ложившаяся на плечи его министровъ и секретарей, еще
 больше; Letellier, Colbert, Louvois и даже умѣвшій пользо-
 ваться благами жизни сынъ Кольбера Seignelay трудились такъ,
 что сдѣланное ими поражаетъ насъ своими размѣрами. И нѣкото-
 рые изъ этихъ министровъ прямо влюблены въ свою работу, жи-
 ли этой неустанной кипучей лихорадочной дѣятельностью. Ког-
 да сынъ Кольбера Seignelay спрашивалъ отца, въ какіе часы
 наиболее продуктивна бываетъ работа, утренніе или вечерніе.
 Кольберъ отвѣтилъ ему что необходимо работать и утромъ, и
 вечеромъ. Больше того: жизнь должна быть непрерывнымъ трудомъ.
 Онъ, Кольберъ, не переноситъ праздности и даже умѣреннаго
 труда. Надо стараться сдѣлать все, что можно. Онъ чувству-
 етъ что если ему прервать нить работы, то его организмъ не
 выдержитъ. Очутившись безъ дѣла, онъ сойдетъ въ могилу. Но
 вести такую лихорадочную и напряженную дѣятельность можно по
 разнымъ побужденіямъ; изъ честолюбія, самолюбія стремленія

къ богатству Въ перепискѣ Кольбера ясно выступаетъ на первое мѣсто служеніе королю. Министръ купается въ лучахъ королевской славы, отражающей его личное вліяніе. Кольберъ служить и общественнымъ интересамъ Кольберъ готовъ претерпѣть монаршую опалу, немилость, когда совѣтъ, поданный королю, можетъ навлечь на него неудовольствіе Сравнивая себя въ своихъ письмахъ съ другими министрами, Кольберъ отмѣчаетъ, что эти послѣдніе занимаютъ болѣе благопріятное, чѣмъ онъ, положеніе Всѣ другіе учатъ короля тратить деньги и тратить ихъ пріятно. Онъ же учитъ беречь деньги, накапливать доходы, и это непріятное занятіе И все же онъ остается вѣрнымъ своему долгу. Того же онъ ждетъ отъ своего короля

Кольбера считаютъ обычно самымъ выдающимся, можетъ быть, представителемъ меркантилизма. Главною особенностью этого меркантилизма признаютъ обычно заботы о развитіи производительныхъ силъ страны, внешней торговли, сосредоточеніе возможно большей суммы денегъ въ странѣ, преобладаніе экономическихъ (понимаемыхъ въ узкомъ смыслѣ слова) мотивовъ. Это мнѣніе не справедливо. Французскій меркантилизмъ и кольбертизмъ не есть чисто-экономическая доктрина и политика. Экономическая политика и у Кольбера въ подчиненіи политикѣ международной, династической Эта политика Кольбера не можетъ быть понята, если мы обособимъ ее отъ ея политическаго міровоззрѣнія. Съ другой стороны она пріобрѣтаетъ новый и яркій смыслъ, если мы обратимъ вниманіе на тѣ полити-

ческія начала, которыя лежать въ основѣ его политической и хозяйственной дѣятельности.

Вы припомните, что Людовикъ ХІУ считалъ главной цѣлью своей жизни пріобрѣтеніе славы, прежде всего военной славы. Надо сказать, что и его главный помощникъ, Кольберъ, находился въ очень большой мѣрѣ подъ обаяніемъ этой тяги къ славе. Онъ доставалъ деньги для дорогихъ и развратительныхъ войнъ и съ снисходительной улыбкой смотрѣлъ на воинственность короля. Ему самому свойственно тяготѣніе къ большимъ и труднымъ затѣямъ, готовность преодолевать сложныя и серьезныя препятствія. Французская династія, думаетъ онъ, должна быть первой въ Европѣ. Нехорошо, по его мнѣнію, что австрійскіе эрцгерцоги тянутся на первое мѣсто, оспаривая супрематію у французской монархіи. Надо заставить ее напречь вою или, чтобы устоять на первомъ мѣстѣ въ борьбѣ. Одной изъ главныхъ цѣлей французской политики (внѣшней и внутренней, поскольку она была подчинена ей) являлось сокрушить претензіи Габсбурговъ на европейское и міровое преобладаніе. При возможныхъ осложненіяхъ положеніе Франціи благоприятно. Она располагаетъ огромнымъ воинственнымъ населеніемъ и сильнымъ правительствомъ. На сушѣ она стоитъ твердо. Менѣе благоприятно ея положеніе на морѣ. И Кольберъ во главѣ своихъ подчиненныхъ очень внимательно слѣдитъ за состояніемъ флота другихъ государствъ, вѣроятно, не хуже дипломатовъ и военныхъ агентовъ нашихъ дней. Онъ хорошо знаетъ свой собственный.